

Н. И. ГНЕДИЧ

РЕЧЬ <О НАЗНАЧЕНИИ ПОЭТА> *

Дружба внушила вам благосклонность, с какою вы, милостивые государи, наименовали меня действительным членом Общества. Благосклонность ваша для сердца моего не бремя: с нею равны чувства его благодарности. Я благодарю вас, милостивые государи, за честь, которая сближает меня с вами. И если одна любовь к письмам может сделать меня достойным сочленом вашим, то смею уверить, что она, может быть, столько же пламенна во мне, как и в тех, которые составляют славу нашей словесности. И охладает ли с вами? Высокие мысли, какие всегда я питал об искусствах изящных, страстное почтение, врожденное во мне, к их благородным произведениям, и мои занятия, не важные, но постоянные, конечно, возрастут при деятельности и намерениях Общества, которого письма и науки составили союз, а цель наук — благо людей — цель действия.

Союз благородный! Цель, достойная людей просвещенных! Так, милостивые государи, если соединяющие силы

* Произнесена в полугодишном собрании Общества¹ (13 июня нынешнего года) помощником председателя Н. И. Гнедичем, по случаю переименования его из почетных в действительные члены сего сословия. См. № VII «Соревнователя просвещения и благотворения», 1821, с. 125.

рук своих на врагов покоя общественного достойны хвалы граждан и венцов славы, то люди, соединяющие силы разума, сии безоружные воины, ведущие брань с пороками, предрассудками, невежеством, со всеми невидимыми, но опаснейшими врагами общества человеческого, имеют не менее прав на его признательность. Но когда еще люди сии как труды, так и плоды трудов своих приносят в жертву общую, когда они упражняют силы свои не для выгод, какие могут приобрести, но для добра, какое могут сделать, кто откажет в уважении сим добродетелям гражданским? И в то же время, видя самый источник сих добродетелей — науки и просвещение, кто не признает божественности их вдохновения, святости их наслаждений? Чистые и невинные, они принадлежат всем возрастам, всем годам жизни; свободные, они сообщаются с каждым, простирающим к ним руку; благородные, они ведут вас к наслаждениям совершеннейшим, к наслаждениям добродетели. И если кто-либо красноречивее доказывает все сие, так без сомнения вы, милостивые государи! Богатые, добрые граждане, соединяясь для цели благотворения, уделяют избытки свои в пользу неимущих. Хвала друзьям человечества! Но люди, из которых почти у всех, или по крайней мере у почтенных учредителей сего Общества, все достояние — одни дарования и любовь к человечеству, сии люди не по минутному движению сострадательности, но с решимостью постоянною не одни избытки, но все свое лучшее, и дарованное и приобретенное, и таланты и плоды их, посвящают бедному человечеству. Благороднейшее употребление, какое человек может сделать из сокровищ души своей!

Любители письмен составляют союзы, чтобы благотворить, литераторы украшаются именами благотворителей, расширяют и облагораживают поприще своей деятельности.

Благотворение, сладкая нужда сердец добрых, будь навсегда основанием и союзом всех обществ человеческих! Действуйте, сердца благородные! И если б вам нужна была награда, не сомневайтесь в ней: не один слепец Аникин * придет сказать вам: «Я не вижу моих благотворителей, но их видит бог!» Слепец указал вам — где ваша лучшая награда!

* Читатели «Соревнователя», конечно, помнят описание трогательного происшествия, помещенное на 372 странице в шестой книжке сего журнала 1820 года. — Соч. ²

Между тем, милостивые государи, действие непосредственное Общества вашего, то есть соревнование благотворению, сколь ни благородно, но, в отношении к любезному отечеству нашему, едва ли столь важно, как его действие прямое, то есть соревнование просвещению: влияние последнего ограничивается не одними современниками, но простирается и на потомство. Я хочу остановиться на сем предмете; не для того, чтоб внушать о нем мысли вам, но чтоб показать, чувствую ли я важность обязанности, какую буду разделять с вами.

Не считаю нужным изображать вам, каким орудием владеет тот, кто принимает в руки светильник наук, чтобы озарить души себе подобных. Ревнующим успехам просвещения, конечно, известна история письмен. Известно, что распространение оных есть одно из средств разума, более всего споспешествующее славе и счастью народов, а тем паче в наше время, когда средства сии умножены и ускорены до чрезвычайности. Как в древности пламенный игр священных быстро переходил из рук в руки, переходит теперь от народа к народу пламенный искусств и познаний. В такое время перо писателя может быть в руках его оружием более могущественным, более действительным, нежели меч в руке воина. Я не о тех говорю писателях, людях, впрочем, с дарованием, которые, усилием и навыком приобретая известную легкость в слоге, заставляют читать себя и слушать. Такой писатель есть почти каждый образованный гражданин в странах просвещенных, они обыкновенно составляют так называемую литературу света,— и, ласкатели его, угодники всех прихотей моды и духа времени, они рабы мнения.

Вы, милостивые государи, питаете намерения высшие, вы желаете способствовать просвещению сограждан. Но, зная, однако ж, что должно быть приятным, чтобы быть полезным, вы для распространения своих намерений избрали словесность изящную. Что же может быть важнее, что может быть священнее обязанности, какую каждый из нас на себя принимает? Каждый из нас есть, или быть должен, виновником или светлой мысли, или благородного чувства в душе юной, которые, может быть, глубоко пустив корни свои, сделают вдохнувшего их, так сказать, творцом нравственного бытия человеческого. Если таково влияние писателя на человека, таково и общее действие письмен на народы. Да размышляют возделыватели их о важности служения своего, да будут они чисты сердцем,

как служители божества, или те, которые приближаются к священным алтарям его.

Писатель своими мнениями действует на мнение общества, и чем он богаче дарованием, тем последствия неизбежнее. Мнение есть властитель мира. Да будет же перо в руках писателя то, что скипетр в руках царя: твердо, благороден, величествен³. Перо пишет, что начертается на сердцах современников и потомства. Им писатель сражается с невежеством наглым, с пороком могущим и сильных земли призывает из безмолвных гробов на суд потомства. Чтобы владеть с честью пером, должно иметь более мужества, нежели владеть мечом. Но если писатель благородное оружие свое преклоняет перед врагами своими, если он унижает его, чтобы ласкать могуществу, или если прелестию цветов покрывает разврат и пороки, если вместо огня благотворного он возжигает в душах разрушительный пожар и пищу сердец чувствительных превращает в яд,— перо его..... или оружие убийства! Чтобы памяти своей не обременить сими грозными упреками, писатель не должен отделять любви к славе своей от любви к благу общему. Да будет же первою страстию, нас одушевляющею, вдохновением нашего ума и сердца — любовь к человечеству, сия любовь незнакомая, непостижимая сердцам необразованным, сие чувство небесное, которое даже одним желанием сделать счастливыми нас окружающих делает и нас самих более счастливыми.

Сердцем добрый, духом возвышенный и свободный, да не изменяет себе служитель муз ни в каких случаях жизни, да не рабствует пред фортуною и не страшится бедности! Бедность — превосходнейшее училище людей. Если она усеивает путь жизни терниями жестокими, то на каждом шагу открывает такие опыты, такие истины, какие невидимы с высоты чертогов. На сем пути человек узнает человека и научается любить его, ибо видит, что большая часть людей — несчастны; на сем пути привыкая ожидать всего единственно от себя, убогий приобретает мужество и силу души, первые свойства гениев благородных, свойства, чуждые сынов счастья, которые возрастают, как ветви на опорах,— слабые, чтобы выносить удары бури. Я не говорю, что богатство бесполезно для ума, но что ум не должен раболепствовать фортуне. Если ж писателю такое отречение тягостно, да оставит он поприще письмен, да ищет другого пути, их много, чтобы приносить пользу отечеству и заслуживать доброе имя. Фортуна ж и меценаты,

которых он будет искать, продают благосклонности свои за такие жертвы, которых почти нельзя принести не на счет своей чести.

Наконец, писатель да любит более всего язык свой. Могуущественнейшая связь человеческих обществ, узел, который сопрягается с нашими нравами, с нашими обычаями, с нашими сладостнейшими воспоминаниям, есть язык отцов наших! И величайшее уничтожение народа есть то, когда язык его пренебрегают для языка чуждого. Да вопиет противу зла сего каждый ревнувший просвещению, да гремит неумолкно и поэзией и красноречием! Пусть он в желчь негодования омачивает перо и всем могуществом слова защищает язык свой, как свои права, законы, свободу, свое счастье, свою собственную славу!

Слава!.. Посреди людей, у которых при одном этом слове сердца, конечно, бьются живее, не имею нужды я говорить: да любит писатель славу! И какое благородное сердце не любит ее? Но да не обманываемся, да не сливаем в понятия известности со славою, или да не почитаем славы современной за потомственную. Славу между современников человеку не без дарования, а что еще важнее — не без друзей, приобрести нетрудно, а известность можно даже купить, — опытным стратегикам парнасским способы эти знакомы. Но какую известность при жизни приобрел Гомер или Мильтон? Или, напротив, кто из современников не рукоплескал в славу Бальзаков, Воатюров, Марини, — имена, о которых, если б я говорил не в Обществе вашем, должен бы сказать, что это имена писателей, некогда до небес превозносимых? * Слава — богиня без памяти, она, как эхо земли, повторяет единственно, что слышит, — умолкают уста друзей и современников, с ними умолкает и хвала их любимцу. Слава, не слыша его имени, забывает и повторяет имена только тех гениев, которым хвала громче и громче раздается до народов новых, до пределов чужеземных, тех гениев, которые сквозь тьму веков возвышаются, как гордые главы Кавказа, еще поражающего взор путника и на тех долинах отдаленных, где уже не видит он его подошвы кремнистой.

* Кончети Марини, италианского стихотворца, впрочем, с необыкновенным талантом, но со вкусом испорченным, наполняли во всей Европе беседы дворов, залы избранных обществ, испещряли книги ученых и литераторов в продолжение почти всего семнадцатого столетия. — Прим. Соч.⁴

Чтобы имя писателя переживало века и народы, да посвящает он перо свое предметам, которые составляют неизменную пищу ума и сердца во всех веках, у всех народов! Пусть он пишет не для человека, но для человечества. Платоны и Гомеры, Шекспир и Данты, Расины и Шиллеры, в какие бы новые краски и новые формы ни облеклось искусство словесное, будут вечными питателями ума, воображения и чувства. И в самом деле, кроме любви, единственной страсти, какую поэты наших времен возвысили до энтузиазма, но которую образованность у нас прекрасного пола собственным могуществом сильнее каждого поэта воспламенит и возвысит, кроме любви сей, или нет уже ничего более в сердце человека, столь же благородного, столь же необходимого для его благополучия? Думы высокие, восторги пламенные, святое пожертвование самим собою для блага людей, вы, которые напечатлеваются и в делах и в помыслах душ благолюбивых и из существа земного делаете существо небесное, — где вы? Ужели сердце наше не питает их более? Ужели оно, истребив сии хранительные начала обществ, разорвало все связи? Кажется, ничто его не заботит, кажется, ничто его не колеблет, кроме одного чувства, одной страсти безжизненной, которую отделяясь, как хладную стеною, от общества себе подобных, человек видит себя — зрелище унылое! — одного в мире и мир для одного себя.

Песни любви, восторги наслаждений! Вы всегда будете сладостны сердцу, если освящены его невинностью. «А если нет, в этом можно ли обвинять певцов их?» Писатель, говорят, есть выражение времени, печать духа и нравов века своего. Как, певец, сын вдохновения небесного, должен быть только эхом людей? Он, свободный, должен рабски следовать за веком и, сам увлекаясь пороками его, должен питать их, осыпать цветами и муз превращать в сирен, соблазнительниц человека? Удались, мысль, недостойная разума! В царство ужаса, когда законы запретили исповедание создателя, в дни безверия и безбожия народного, Делиль на развалинах алтарей пел бытие бога и бессмертие души⁵. Вот подвиги писателя! Пробудить, вдохнуть, воспламенить страсти благородные, чувства высокие, любовь к вере и отечеству, к истине и добродетели — вот что нужно в такое время, когда благороднейшими свойствами души жертвуют эгоизму, или так называемому свету ума, когда холодный ум сей опустошает сердце, а низость духа подавляет в нем все, что возвышает

бытие человека. В такое время нужнее чрезмерить величие человека, нежели унижать его, лучше подражать тем ваятелям древности, которые произведениям своим дали образы благороднейшие и величество, превосходящее природу земную, чем поэзию уподоблять Цирцее, превратившей в животных спутников Одиссея.

На ком более, нежели на других, лежит сей долг превосходный? У кого в руках сия власть завидная? Сыны Аполлона, наследники дара, который к ногам Орфея приводил зверей и двигал за ним древа и камни, явите нам вы древнее свое могущество, вспойте нам песни, которые согрели б умирающее сердце человека, которые воскресили б его в жизни, достойной мужа! Вот поприще, вот ваши подвиги славы! Так и тот, чей светлый ум проникает тайны творения, и тот, кто гармонией лиры очаровывает слух, и тот, кто силою слова волнует кровь человеческую, и философ, и поэт, и оратор,— да не мечтает о славе, когда мысль его, при самых блистательных произведениях, не обращается к сей цели благородной, к сему предопределению письмен и познаний.

Да будут же, милостивые государи, и наши все труды направлены к сей цели. Хотим мы представить свету зрелище доблести мирной или геройства бранного, будем ли прелестию поэзии славить, что любовь имеет нежного, дружба утешительного и несчастье святого,— да все произведения наши носят на себе печать если не всегда блестящих дарований, то всегда добрых намерений. Таким образом, благотворители и делом и словом, вы оставите прекрасные свидетельства тех благодеяний, какие свет наук разливал и разливать будет на народы. И надежды на память в потомстве не обманут вас. Человек может быть несправедлив, но род человеческий — никогда.

Впервые — «Сын отечества», 1816, № 4, ч. 27, с. 138—162.

¹ Имеется в виду публикация первого варианта статьи в «Русском вестнике» (1815, № 4).

² Источником этой цитаты послужила, по-видимому, «История Государства Российского», в примечаниях к которой приведен следующий отрывок из Новгородской летописи: «Языци незнами, их же добре никто же не весть, кто суть и отколе изыдоша, и которого племени суть, и что вера их, а зовут я Татары...» (Н. М. Карамзин. История Государства Российского. СПб., 1816, с. 542).

³ Г. Меркель (Меркел) — латышский просветитель. В 1812 г. написал ряд воззваний и прокламаций против Наполеона, получивших широкую известность. Говоря о «Рижском зрителе», Глинка, возможно, имеет в виду основанный Меркелем журнал «Ruthenia».

⁴ Имеется в виду комета, появившаяся незадолго до вой 1812 г. и воспринятая как предвестие трагических событий.

⁵ И. Мюллер — швейцарский историк. Его основной труд «Швейцарская история» (т. I—V, 1786—1808) героизирует исторические события, написан в приподнято-патетической манере.

⁶ С. И. Шубин — мелкопоместный смоленский дворянин, командовал отрядом, который успешно сражался с французами. Взят в плен и расстрелян. По приговору французского суда был казнен и другой смоленский помещик подполковник П. И. Энгельгардт. Однако советские историки отрицают участие Энгельгардта в освободительной борьбе. Глинка, ставивший Энгельгардта в один ряд с Шубиным, видимо, поверил легенде, распространявшейся после войны 1812 г. Памятник, поставленный на месте казни Энгельгардта при Николае I, был после революции снят. См.: П. Г. Андреев. Народная война в Смоленской губернии в 1812 году. Смоленск, 1940.

⁷ Речь идет о книге: Е. Б. Фукс. История генералиссимуса, князя италийского, графа Суворова-Рымникого, ч. I—II. М., 1811.

⁸ Имеется в виду Нестор — летописец, вероятный автор летописного свода «Повесть временных лет» (середина XII в.),

⁹ *Степенная книга* — выписки из летописей русских, расположенные по князьям и царствованиям; составлена при Иване Грозном по инициативе митрополита Макария. *Синописис* — сборник, содержащий сопоставление различных сочинений и учений об одном и том же предмете.